

#Line
Билингва

Амстердам

Иэн Макьюэн

Москва
2021

TO JACO AND ELISABETH GROOT

The friends who met here and embraced are gone,
Each to his own mistake,

W. H. Auden, 'The Crossroads'

Яко и Элизабет Гроот

Друзья здесь встретились и обнялись
И разошлись — к своим ошибкам.

У. Х. Оден. Перекресток

Two former lovers of Molly Lane stood waiting outside the crematorium chapel with their backs to the February chill. It had all been said before, but they said it again.

‘She never knew what hit her.’

‘When she did it was too late.’

‘Rapid onset.’

‘Poor Molly.’

‘Mmm.’

Poor Molly. It began with a tingling in her arm as she raised it outside the Dorchester Grill to stop a cab; a sensation that never went away. Within weeks she was fumbling for the names of things. Parliament, chemistry, propeller she could forgive herself, but less so bed, cream, mirror. It was after the temporary disappearance of acanthus and bresaola that she sought medical advice, expecting reassurance. Instead, she was sent for tests and, in a sense, never returned. How quickly feisty Molly became the sick-room prisoner of her morose, possessive husband, George. Molly, restaurant critic, gorgeous wit and photographer, the daring gardener who had been loved by the Foreign Secretary and could still turn a perfect cartwheel at the age of forty-six. The speed

Двое бывших любовников Молли Лейн стояли у часовни крематория спиной к холодному февральскому ветру. Обо всем уже было говорено, но они проговорили еще раз.

— Так и не поняла, что на нее обрушилось.

— А когда поняла, было поздно.

— Быстро скрутило.

— Бедная Молли.

— М-м-м.

Бедная Молли. Началось с покалывания в руке, когда она ловила такси у ресторана «Дорчестер»; ощущение это так и не прошло. Через несколько недель она уже с трудом вспоминала слова. «Парламент», «химию», «пропеллер» она могла себе простить, но «сливки», «кровать», «зеркало» — это было хуже. Когда временно исчезли «аканф» и «брезаола», она обратилась к врачу, ожидая, что ее успокоят. Однако ее направили на обследование, и, можно сказать, оттуда она уже не вернулась. Как же быстро боевая Молли стала больной пленницей своего угрюмого собственника-мужа Джорджа. Молли, ресторанный критик, фотограф, женщина неиссякаемого остроумия, дерзновенная садовница, возлюбленная министра иностранных

of her descent into madness and pain became a matter of common gossip: the loss of control of bodily function and with it all sense of humour, and then the tailing off into vagueness interspersed with episodes of ineffectual violence and muffled shrieking.

It was the sight now of George emerging from the chapel that caused Molly's lovers to move off further up the weedy gravel path. They wandered into an arrangement of oval rose beds, marked by a sign, 'The Garden of Remembrance'. Each plant had been savagely cut back to within a few inches of the frozen ground, a practice Molly used to deplore. The patch of lawn was strewn with flattened cigarette butts, for this was a place where people came to stand about and wait for the funeral party ahead of theirs to clear the building. As they strolled up and down, the two old friends resumed the conversation they had had in various forms a half dozen times before but which gave them rather more comfort than singing 'Pilgrim'.

Clive Linley had known Molly first, back when they were students in '68 and lived together in a chaotic, shifting household in the Vale of Health.

'A terrible way to go.'

He watched his own vaporised breath float off into the grey air. The temperature in central London was said to be minus eleven today. Minus eleven. There was something seriously wrong with the world for which neither God nor his absence could be blamed. Man's first disobedience, the Fall, a falling figure, an oboe, nine notes, ten notes. Clive had the gift of

дел, способная легко пройти колесом в свои сорок шесть лет. О ее стремительном погружении в безумие и боль судачили все: потеря контроля над отправлениями, а с ним — и чувства юмора, а затем — постепенное затмение с эпизодами бесильного буйства и приглушенных криков.

При виде появившегося из часовни Джорджа любовники Молли отошли подальше по заросшей гравийной дорожке. Они добрались до участка овальных розовых клумб с табличкой «Сад памяти». Все растения были безжалостно срезаны на высоте нескольких сантиметров над промерзшей землей — Молли такую практику осуждала. Газон был усеян сплюснутыми окурками — здесь люди дожидались, когда предыдущая группа освободит здание. Прохаживаясь взад и вперед, старые друзья возобновили разговор, к которому возвращались уже раз десять до этого в разных формах; но он утешал их больше, чем пение «Пилигрима».

Клайв Линли узнал Молли первым, в шестьдесят восьмом, когда они были студентами и жили одним домом, хаотическим и зыбким, в Вейл-оф-Хелте.

— Ужасный конец.

Он смотрел, как растворяется в сером воздухе пар его дыхания. Сказали, что в центре Лондона температура минус одиннадцать. Минус одиннадцать. Что-то очень неладно в мире, и не обвинишь в этом ни Бога, ни его отсутствие. Первое непослушание человека, его падение, нисходящий мотив, гобой, девять нот, десять нот. У Клайва был абсо-

perfect pitch and heard them descending from the G. There was no need to write them down.

He continued,

‘I mean, to die that way, with no awareness, like an animal. To be reduced, humiliated before she could make arrangements, or even say goodbye. It crept up on her, and then...’

He shrugged. They came to the end of the trampled lawn, turned and walked back.

‘She would have killed herself rather than end up like that,’ Vernon Halliday said.

He had lived with her for a year in Paris in ’74 when he had his first job with Reuters and Molly did something or other for Vogue.

‘Brain-dead and in George’s clutches,’ Clive said.

George, the sad, rich publisher who doted on her and whom, to everyone’s surprise, she had not left, though she always treated him badly. They looked now to where he stood outside the door, receiving commiseration from a group of mourners. Her death had raised him from general contempt. He appeared to have grown an inch or two, his back had straightened, his voice had deepened, a new dignity had narrowed his pleading, greedy eyes. Refusing to consign her to a home, he had cared for her with his own hands. More to the point, in the early days when people still wanted to see her, he vetted her visitors. Clive and Vernon were strictly rationed because they were considered to make her excitable and, afterwards, depressed about her condition. Another key male, the Foreign Secretary, was also un-

лутный слух, и он слышал, как они спускаются от соль. Записывать не было нужды.

Он продолжал:

— Понимаешь — умирать, ничего не сознавая, как животное. Ослабеть, стать полностью зависимой, не успев отдать последние распоряжения и даже попрощаться. Болезнь подкралась...

Клайв пожал плечами. Они дошли до края вытопанной лужайки и повернули обратно.

— Она предпочла бы самоубийство такому концу, — отозвался Вернон Холлидей.

Он прожил с ней год в Париже в семьдесят четвертом, когда впервые поступил на работу в «Рейтер», а она пописывала для «Вога».

— С мертвым мозгом и в клешнях Джорджа, — сказал Клайв.

Джордж, грустный богатый издатель, не чаял в ней души, и она, ко всеобщему удивлению, так и не бросила его, хотя всегда обходилась с ним дурно. Они посмотрели в его сторону: Джордж стоял у двери в группе людей, принимал соболезнования. Смерть жены избавила его от общего презрения. Он будто вырос на дюйм или два, спина у него выпрямилась, голос стал гуще, новообретенное достоинство сузило глаза, погасило жадный, просящий взгляд. Отказавшись сдать ее в приют, он ухаживал за ней собственноручно. И, что существеннее, вначале, когда люди еще хотели ее навещать, он фильтровал посетителей. Для Клайва и Вернона допуск был строго ограничен, поскольку считалось, что при них она разволнуется, а после будет удручена своим состоянием. Другой ответственный гость, ми-

welcome. People began to mutter, there were muted references in a couple of gossip columns. And then it no longer mattered because the word was she was horribly not herself; people didn't want to go and see her and were glad that George was there to prevent them. Clive and Vernon, however, continued to enjoy loathing him.

As they turned about again, the phone in Vernon's pocket rang. He excused himself and stepped aside, leaving his friend to proceed alone. Clive drew his overcoat about him and slowed his pace. There must have been over two hundred in the black-suited crowd outside the crematorium now. Soon it would seem rude not to go over and say something to George. He got her finally, when she couldn't recognise her own face in the mirror. He could do nothing about her affairs, but in the end she was entirely his. Clive was losing the sensation in his feet, and as he stamped them the rhythm gave him back the ten note falling figure, *ritardando*, a *cor anglais*, and rising softly against it, *contrapuntally*, cellos in mirror image. Her face in it. The end. All he wanted now was the warmth, the silence of his studio, the piano, the unfinished score, and to reach the end. He heard Vernon say in parting, 'Fine. Rewrite the standfirst and run it on page four. I'll be there in a couple of hours.' Then he said to Clive,

'Bloody Israelis. We ought to wander over.'
'I suppose so.'

нистр иностранных дел, также был нежелателен. Люди стали ворчать, в колонках светской хроники появилось несколько сдержанных замечаний. А потом все это потеряло значение: по рассказам, она чудовищно изменилась, люди не хотели ее навещать и были рады, что Джордж их не пускает. Однако Клайв и Вернон с удовольствием продолжали его ненавидеть.

Когда они повернули обратно, в кармане у Вернона запищал телефон. Он извинился и отошел в сторону, предоставив другу продолжать прогулку в одиночестве. Клайв запахнул пальто и замедлил шаг. У крематория собралось уже сотни две людей в черном. Пора подойти и сказать что-нибудь Джорджу, иначе будет сочтено невежливостью. Наконец-то Джордж ею завладел — когда она уже не узнавала свое лицо в зеркале. С романами ее он ничего не мог поделать, но в финале она стала целиком его. У Клайва занемели ноги, он стал топать, и в том же ритме вернулись десять нисходящих нот ритардандо, английский рожок, а в контрапункт с ним, мягко, восходящий мотив виолончелей, зеркальный образ. В нем — ее лицо. Конец. Все, что было нужно ему сейчас, — тепло, тишина его студии, рояль, недописанная партия — и закончить. Он услышал слова Вернона, завершавшего разговор: «Отлично. Перепишите резюме и поставьте на четвертую полосу. Я буду часа через два». Затем Клайву:

- Чертовы израильтяне. Нам пора подойти.
- Пожалуй.

But instead they took another turn about the lawn for they were there, after all, to bury Molly.

With a visible effort of concentration, Vernon resisted the anxieties of his office.

‘She was a lovely girl. Remember the snooker table.’

In 1978 a group of friends rented a large house in Scotland for Christmas. Molly and the man she was going about with at the time, a QC named Brady, staged an Adam and Eve tableau on a disused snooker table, he in his Y-fronts, she in bra and panties, a cue rest for a snake and a red ball for an apple. The story handed down, however, the one that had appeared in an obituary and was remembered that way even by some who were present, was that Molly ‘danced naked on Christmas Eve on a snooker table in a Scottish castle’.

‘A lovely girl,’ Clive repeated.

She had looked right at him when she pretended to bite the apple, and smiled raunchily through her chomping, with one hand on a jutting hip, like a music hall parody of a tart. He thought it was a signal, the way she held his gaze, and sure enough, they were back together that April. She moved into the studio in South Kensington and stayed through the summer. This was about the time her restaurant column was taking off, when she went on television to denounce the Michelin guide as the ‘kitsch of cuisine’. It was also the time of his own first break, the Orchestral Variations at the Festival Hall. Second time round. She probably hadn’t changed, but he had. Ten years

Однако они сделали еще один круг по лужайке: в конце концов, они тут для того, чтобы хоронить Молли.

С заметным усилием над собой Вернон отодвинул служебные заботы.

— Она была милой девочкой. Вспомни бильярдный стол.

В 1978 году под Рождество компания друзей сняла большой дом в Шотландии. Молли и ее тогдашний спутник, королевский адвокат по фамилии Брейди, изобразили на бильярдном столе Адама и Еву: он в трусах, она в трусах и лифчике, подставка для кия — змей, красный шар вместо яблока. В пересказах, однако, история приобрела несколько иной вид и в таком виде не только попала в один некролог, но даже запомнилась кое-кому из свидетелей: «Молли плясала в сочельник нагишом на бильярдном столе в шотландском замке».

— Милая девочка, — повторил Клайв.

Делая вид, будто откусывает яблоко и жует, она смотрела прямо на него и развратно улыбалась. Она выкатила бедро и подбоченилась, пародируя уличную девку. Он счел ее упорный взгляд сигналом, и правда, в апреле они снова сошлись. Молли переехала в его студию в Южном Кенсингтоне и осталась на все лето. В это время как раз открылась ее ресторанная колонка и сама она выступила по телевизору, раскритиковав мишленовский путеводитель как «кулинарный китч». Он тоже впервые обозначился перед публикой — «Оркестровыми вариациями» в Фестивал-холле. Второй заход. Она, вероятно, не изменилась, а он —